

Г.М.ВАСИЛЕВИЧ КАК ЭТНОГРАФ-ТУНГУСОВЕД

Опубликовано: Репрессированные этнографы. Вып.2. - М., Восточная литература РАН. 2003. - С. 10–46.

Глафира Макарьевна Василевич не относится к числу этнографов, труды и имена которых были запрещены или незаслуженно забыты в период политических репрессий 30 - 50-х годов. Из 76-ти прожитых лет она почти 50 отдала служению любимой науке. Работы Г.М.Василевич неизменно вызвали большой научный интерес среди коллег, а ее огромный вклад в сибиреведение еще при жизни получил высокое признание как у себя на родине, так и за рубежом. (1) Однако в 1952 г. Г.М.Василевич по необоснованным обвинениям была арестована и приговорена по ст.58-10, ч.1 УК РСФСР к лишению свободы на 10 лет. И только благодаря амнистии после смерти Сталина ее освободили досрочно в 1955 г. после трех лет отбывания в исправительно-трудовых лагерях. До недавнего времени об этом не принято было говорить открыто, и данный факт старательно замалчивался в нашей литературе. Впервые Г.М.Василевич официально была названа среди безвинно пострадавших лишь в 1990 году, когда журнал “Народы Азии и Африки” опубликовал около 400 имен репрессированных востоковедов. (2) Более подробно об этой странице ее жизни рассказал в 1994 г. А.М.Решетов, одним из первых взявшийся за кропотливый благородный труд по восстановлению подлинных биографий репрессированных этнографов. (3)

Несмотря на сказанное, к сожалению, жизнь и творчество Г.М.Василевич в силу разных причин до сих пор остаются в тени, будучи, на наш взгляд, нераскрытыми в полной мере, и это положение совершенно не соответствует уровню исследований Глафиры Макарьевны, создавшей своими работами целую школу отечественного тунгусоведения.

Литература о Г.М.Василевич крайне незначительна. Первые статьи о ней были помещены в двух крупных энциклопедических изданиях - Большой советской (2-е изд., т.7, 1951 г.) и Краткой литературной (т.1, 1962 г.) энциклопедиях. Они отразили высокое признание заслуг Василевич уже в первый период ее научных исследований. Однако в 3-е издание Большой советской энциклопедии (том на букву “В” вышел в 1971 г.) статью о Г.М.Василевич уже не включили, что, очевидно, было связано с ее необоснованным осуждением, наложившим на исследователя “пятно неблагонадежности”, хотя судимость с нее была снята уже в 1955 г. Вся последующая литература состоит всего из нескольких публикаций, вышедших, во-первых, к 70-летию со дня рождения, и, во-вторых, в связи со смертью. Поэтому уже в силу своего жанра эти статьи носили довольно общий характер и не затрагивали ни сложных жизненных коллизий, ни спорных вопросов или проблемных положений, обязательно присутствующих в научном творчестве каждого крупного исследователя. В результате создаваемый этими работами образ Глафиры Макарьевны Василевич - как яркого ученого и интересного человека - имел чисто “парадный” характер, лишенный живой жизненной конкретики.

Среди этих работ наиболее интересны два издания, выделяющиеся и по объему, и по содержанию. Первая - это отдельная брошюра в 50 страниц, подготовленная и изданная к 70-летию со дня рождения Г.М.Василевич в 1965 г. в Якутске, где, начиная с 1958 года, она принимала непосредственное участие в организации исследований эвенкийского языка молодыми учеными Якутского института языка, литературы и истории. Издание включает краткий биографический очерк, указатель основных работ Г.М.Василевич, а также написанные с большой теплотой и уважением воспоминания людей, знавших Глафиру Макарьевну по совместной работе в области языкознания. (4) Вторая работа - статья известного лингвиста-

тунгусоведа В.И.Цинциус, изданная через год после смерти Г.М.Василевич в сборнике научных статей, подготовленном все тем же Якутским институтом языка, литературы и истории как дань уважения памяти ученого. (5)

Как видим, обе эти работы написаны лингвистами. И чтобы правильно понять направленность их содержания, важно подчеркнуть следующее обстоятельство. Творчество Г.М.Василевич при всей цельности и внутренней логике ее исследовательского пути распадается на два разных периода, один из которых, начальный, довоенный, был связан, прежде всего, с лингвистическими исследованиями - изучением и преподаванием эвенкийского языка в Институте народов Севера и Педагогическом институте имени А.И.Герцена, а второй, с начала 40-х и до последних лет жизни - с этнографией и работой в Ленинградской части Института этнографии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Естественно, что лингвисты касались, прежде всего, языковедческих интересов Василевич, рассматривая, в основном, первый, довоенный период ее творчества, в то время как последние 30 лет жизни, посвященные в большей степени этнографическим изысканиям и составляющие не менее, а, может быть, даже более важный этап ее научной деятельности, остались в этих работах почти не представленными. То же самое можно сказать и о статьях, помещенных в Краткой литературной и Большой советской энциклопедиях. Несмотря на то, что Г.М.Василевич названа в них “этнографом и языковедом”, все же реальное представление они дают только о ее лингвистической деятельности.

Что касается этнографов, то с их стороны творческий путь Г.М.Василевич оказался освещенным крайне мало. Не считая некролога (6), написанного от лица коллег по Институту этнографии, в котором скупно перечислялись главные работы и основные вехи биографии Г.М.Василевич, - момент, так сказать, обязательный для учреждения, где работал только что ушедший сотрудник, можно назвать еще лишь одну краткую заметку известного историка и этнографа Н.Н.Степанова, откликнувшегося на 70-тилетний юбилей. (7) Возможной причиной такого умолчания послужило то, что главный этнографический труд Василевич, составивший итог ее этнографических исследований, - монография “Эвенки” - вышла в свет уже после ее 70-летия, лишь в 1969 г., за два года до смерти. К тому же эта работа вызвала неоднозначную оценку ряда этнографов, и критический взгляд на нее, прозвучавший, наряду с положительным отзывом, в 1971 г. в журнале “Советская этнография”, (8) по-видимому, оказал свое воздействие на то, что и после смерти Глафиры Макарьевны ее огромный вклад в сибиреведение не получил в печати соответствующего признания. К сожалению, такое положение сохранялось до самого последнего времени, и первые попытки изменить его были предприняты лишь недавно. (9) Данная публикация является продолжением этой работы и призвана послужить тому, чтобы воздать, наконец, должное огромному исследовательскому труду, который был выполнен Г.М.Василевич в области изучения культуры, истории, языка и фольклора эвенков Сибири.

Биография Г.М.Василевич в целом известна, но, к сожалению, в ней не достает важных жизненных подробностей - ярких воспоминаний современников, рассказов о студенческой юности, общении в кругу друзей, тяжелых годах войны и блокады, трагическом осуждении, о сложных перипетиях научного пути, так необходимых для понимания человека и ученого. У Глафиры Макарьевны не было своей семьи и детей, не осталось близких родственников, не сохранилось личного архива. Ее ровесники - люди, дружившие с ней, уже тоже ушли из жизни. Своих воспоминаний, как, например, учившаяся с ней в одно время Н.И.Гаген-Торн, Г.М.Василевич тоже не оставила. Единственной публикацией, написанной, по-видимому, со слов Глафиры Макарьевны, или, во всяком случае, с использованием ее рассказов, является популярный очерк на шести страницах с фотографиями, вышедший в 1962 г. в журнале “Пионер” под рубрикой “Рассказы о смелых людях”. (10) Однако рассчитанный на подростков он мало что добавляет к биографии ученого. Увы, теперь приходится многое восстанавливать

буквально по крупицам и, к глубокому сожалению, это не всегда удается сделать так, как хотелось бы и как должно быть. Поэтому особую ценность представляют очень интересные живые воспоминания о Глафире Макарьевне ее аспирантской ученицы, а ныне известного исследователя из Якутска Ж.К.Лебедевой, которые она прислала специально для издания в этом сборнике.

Вопросы начинаются уже с выяснения точной даты и места рождения Г.М.Василевич. Казалось бы, известно, что родилась она в Петербурге в марте 1895 г., о чем писала сама в автобиографиях и личных листках по учету кадров. Однако имеется одно свидетельство, ставящее под сомнение Петербург как место рождения. Это - ее трудовая книжка, выданная в 1919 г., когда она работала на почтамте. (11) Место рождения записано в ней как Минская губерния, Борисовский уезд, Тумпловическая волость, село Нестеровщина, что, очевидно, и соответствует действительности. Однако впоследствии во всех официальных документах Г.М.Василевич называла местом своего рождения г.Ленинград, куда семья переехала, видимо, вскоре после рождения Глафиры Макарьевны. Неясна так же и точная дата ее рождения. В литературе встречаются два числа. А.М.Решетов в своей статье называет 14 марта, как стоит в свидетельстве об окончании Географического института, а В.И.Цинциус в статье, изданной еще при жизни Г.М.Василевич, - 15 марта. (12) При этом нужно отметить, что В.И.Цинциус хорошо знала Глафиру Макарьевну и, казалось бы, не должна ошибаться в дате ее рождения, которую, скорее всего, называла со слов самой Г.М.Василевич. Глафира Макарьевна же в личном листке по учету кадров указывала дату 16 марта по старому стилю, следовательно день ее рождения должен приходиться по новому стилю на 29 марта. Все эти разночтения, конечно, не имеют прямого отношения к научному творчеству Г.М.Василевич, однако скрывающаяся в них загадка заслуживает того, чтобы быть упомянутой.

М.Василевич выросла в простой небогатой семье, отец ее работал на заводе, мать была домашней портнихой. О старшем брате Николае нам известно только то, что он умер, как и отец, в 1917 г. Несмотря на скромный достаток, родители постарались дать дочери хорошее образование и отдали ее в Петровскую женскую гимназию Санкт-Петербурга. Судя по всему, училась Глафира Макарьевна блестяще, так как ей была назначена общественная стипендия, которая давалась только лучшим ученикам. Чтобы поддержать семью, дочь с 14-ти лет давала частные уроки, а после окончания гимназии в 1913 г. устроилась уже на постоянную службу в казначейство почтамта, где до 1920 г. работала в отделе иностранной почты. Пригодилось полученное в гимназии хорошее знание трех иностранных языков - немецкого, французского и английского, которое впоследствии оказалось столь необходимым и в работе с научной литературой. После смерти отца и брата 22-х летняя Глафира в тяжелейшее время революции и гражданской войны, голода и разрухи останется единственной опорой для матери, которой она помогала затем всю жизнь, полностью заботясь о ней до самой ее смерти в ленинградскую блокаду.

В начале 20-х гг. жизнь в Петрограде начинает понемногу налаживаться, вновь открываются ВУЗы, и Глафира Макарьевна решает продолжить учебу. Ее выбор останавливается на недавно открывшемся Географическом институте и, вероятно, поэтому за год до поступления она оставляет почтамт, перейдя на работу в среднюю школу учителем географии и геологии. В октябре 1921 г., не оставляя работы в школе, она поступает в Географический институт, выбрав из двух его факультетов - географического и этнографического, последний, только что созданный профессором Л.Я.Штернбергом. Это определяет весь ее дальнейший жизненный путь. Пять лет обучения в уникальном учебном

заведении, впервые в России готовившем кадры профессиональных этнографов, закладывают прочную базу в подготовке Г.М.Василевич как будущего ученого. Преподавание было организовано Л.Я.Штернбергом таким образом, чтобы студенты получали не только широкое этнографическое образование, но и глубокие знания по истории мировой культуры. Для этого на факультет были приглашены лучшие специалисты, такие известные профессора, как В.М.Алексеев, читавший курс по культуре Китая, Б.В.Владимирцов - курс языкознания, В.Ден - курс по экономической географии, А.А.Кауфман - статистику, Н.И.Кареев - всемирную историю и историческую этногеографию, П.А.Спицын - археологию, В.В.Струве - курс по египтологии и культуре античных народов Востока, И.В.Франк-Каменецкий - по культуре классического Востока и др. (13) Этнографические дисциплины, которые читали Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз, преподавались очень широко, в соответствии с тезисом Л.Я.Штернберга - “кто знает один народ - не знает ни одного; кто знает одну религию, одну культуру - не знает ни одной”. Поэтому студенты изучали введение в этнографию, историю этнографии, палеоэтнографию, этнографию полярных народов, общее страноведение, материальную культуру народов СССР, этнографию восточных славян, эволюцию социальной культуры, историю религии, фольклор, сравнительную мифологию, эволюция искусства, историю древней философии, антропологию, историю русской культуры. (14)

Кроме того, на этнографическом факультете преподавались также основы естествознания, овладение которыми Л.Я.Штернберг считал необходимым для углубленного изучения таких этнографических проблем, как развитие хозяйства и материальной культуры, возникновение культа животных и растений, вопросов расообразования и т.д. Поэтому будущие этнографы изучали основы ботаники, зоологии, анатомии и физиологии человека, геологии и почвоведения, топографии, метеорологии. (15) Эти предметы были необходимы и для будущей полевой работы, к которой готовили студентов-этнографов. С этой же целью их обучали черчению, рисованию, картографированию, фотографированию. Занятия по полевой этнографии проводились в летние каникулы на станции в Павловске - они назывались летние практические работы. О прохождении этой практики также имеется соответствующая запись в дипломе Г.М.Василевич. Сохранилась и редкая фотография Глафиры Макарьевны среди студентов Географического института на летней практике верхом на лошадях. Кроме того, практику студенты проходили также в Музее антропологии и этнографии и Этнографическом отделе Русского музея, где, изучая экспозиции и проводя экскурсии, они овладевали основами музееведения.

Дальнейшее практическое обучение протекало в экспедиционных условиях - для каждого студента на старших курсах было обязательным участие в одной-двух экспедиционных поездках. Для Г.М.Василевич это оказались поездки в 1923 г. на Печору и в 1924 г. в Вятскую губернию. Печорский отряд был организован институтом совместно с Северной научно-промысловой экспедицией ВСНХ (Высший совет народного хозяйства), на базе которой позднее вырос Арктический институт. Руководившие работой отряда Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз организовывали практику таким образом, чтобы студенты находились в “поле” не менее трех-четырех месяцев и выполняли не просто учебные задания, но вели и научно-исследовательскую работу, а по возвращении представляли отчет о собранных материалах. О том, какое большое значение придавалось полевой работе, говорит тот факт, что студентка Василевич уже после 2-го курса была оформлена научной сотрудницей Мезенско-Печерского исследовательского этнографического отряда Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ на срок с июля 1923 по январь 1924 гг. Маршрут экспедиции, как следует из ее удостоверения, проходил “через Архангельск на низовую Печору, Тиманскую, Большеземельскую тундры, через Печорскую и Мезенскую Пижмы на р.Мезень и обратно”. Командируемая сотрудница направлялась “для этнографических и экономических обследований самоедов и русского населения”.(16)

Район исследований был выбран не случайно. Здесь, в низовьях рр.Печоры и Мезени, происходило активное взаимовлияние ненцев и русских, в результате которого смешанное оседлое население занималось однотипной хозяйственной деятельностью, главным направлением которой было рыболовство. Г.М.Василевич был поручен сбор материалов по рыболовству. Вернувшись, она представила в институт отчет на 36 страницах, а также статью “Рыболовство на низовьях Печоры”, которую впоследствии считала своей первой научной работой, оставшейся, правда, неопубликованной.(17)

В следующем, 1924 г. после окончания уже третьего курса Г.М.Василевич поехала в экспедицию в Вятскую губернию, где работала по теме “Жилище и постройки и их орнаментировка”. Собранные и обработанные ею материалы были сданы затем в Государственную академию истории материальной культуры. (18)

Как видим, за четыре года обучения Г.М.Василевич получила прекрасную научную подготовку. Образование, которое давалось студентам на этнографическом факультете, отличалось разносторонним охватом и вместе с тем глубиной получаемых знаний, подкрепляемых серьезными практическими занятиями. Из среды первых студентов-питомцев Л.Я.Штернберга и В.Г.Богораза, обучавшихся вместе с Г.М.Василевич, вышли такие великолепные специалисты, как Е.П.Орлова, С.М.Абрамзон, Г.Н.Прокофьев и Е.Д.Прокофьева, Ю.А.Крейнович, Н.П.Дыренкова, В.В.Чарнолуцкий и др. Все они находились у истоков создания советской этнографии, и в этой славной плеяде ученых была и Г.М.Василевич.

Школа Л.Я.Штернберга имела еще одну важную особенность - в соответствии с требованиями времени она готовила специалистов, которые могли бы решать практические

задачи по оказанию помощи национальным районам. Созданный в 1925 г. специальный правительственный орган - Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), на который было возложено осуществление мероприятий по экономическому и культурному развитию малых народов Севера, сразу стал привлекать для своей работы выпускников этнографического факультета. Г.М.Василевич, в марте 1925 г. получившая свидетельство об окончании института, уже летом уезжает в командировку по направлению от Ленинградского отделения Комитета. Ей было поручено проведение работ среди тунгусского населения Сибири. Задание Комитета Севера имело целью общее обследование эвенков, с выяснением положения на местах, установление контактов, а также сбор этнографических и лингвистических материалов.(19) Эта поездка определяет всю дальнейшую судьбу Г.М.Василевич. Впервые попав к тунгусам,

сведения о которых были еще крайне ограничены, она решает заняться исследованием их языка и культуры и помочь в переустройстве жизни.

Первая экспедиция Г.М.Василевич к эвенкам носила разведывательный характер. Судя по тому, что в выданном ей удостоверении указывалась командировка в Иркутскую и Енисейскую губернии, а просьба о содействии адресовалась одновременно в Иркутский и Красноярский комитеты Севера, можно предполагать, что точное место экспедиции “сверху” определено не было. Очевидно, ее конкретный план должна была определить сама Г.М.Василевич, и она останавливает свой выбор на верховьях р. Лены в районе Усть-Кута Иркутской губернии. Однако ни в Ленинграде, где она тщательно готовилась к экспедиции, ни в Иркутске, куда удалось добраться поездом к середине июля, ни даже в местном, Усть-Кутском волостном исполкоме никаких данных по статистике и расселению тунгусов найдено не было. Единственные сведения, которые ей удалось достать в Усть-Куте, были, по ее словам, “чисто

расспросного характера”. (20) По ним оказалось, что эвенки, кочевавшие здесь по притокам Лены еще лет 20 тому назад, теперь оттеснены на Нижнюю Тунгуску и предположительно должны находиться там в районе ее левого притока реки Непы. Тогда Г.М.Василевич меняет маршрут и, чтобы попасть в нужный район, нанимает сначала лодку, на которой поднимается вверх по Лене до села Маркова, и оттуда с проводниками верхом на лошадях уходит в тайгу на северо-запад, где через неделю встречает эвенкийские стойбища. Эта экспедиция продолжалась без малого четыре месяца, из которых три было проведено в кочевках с эвенками. Первые впечатления, первые наблюдения, первые записи. Все это вскоре будет обработано и представлено в первых научных публикациях 1926-30 гг. (21)

В конце ноября Г.М.Василевич возвращается в Ленинград и застаёт реорганизацию родного института, который был включен в Ленинградский университет в качестве Географического факультета с двумя отделениями: общегеографическим и этнографическим. Кроме этого в значительной степени изменилось и само обучение этнографов. Число вспомогательных дисциплин было сокращено и введена специализация по циклам, охватывающим группы родственных в языковом отношении народов. Каждый студент теперь должен был выбрать тот или иной цикл, по которому он проходил углубленную подготовку, включавшую и изучение языка избранного народа. Из восьми учрежденных циклов один был тунгусским. Чтение курса эвенкийского языка на нем было поручено Я.П.Кошкину (Алькору), а Г.М.Василевич предложили проводить занятия по этнографии тунгусских народов, и она была зачислена ассистентом на этнографическое отделение.(22)

В числе первых слушателей тунгусского цикла были студентки 4-го курса К.М.Мыльникова, Л.Д.Ришес, Т.И.Петрова, В.И.Цинциус, ставшие впоследствии известными исследователями в области тунгусоведения. Все они были первыми ученицами Г.М.Василевич. По воспоминаниям В.И.Цинциус, Г.М.Василевич использовала на своих занятиях работу С.К.Патканова “Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири” (1906 г.) - единственное крупное издание, существовавшее тогда по этнографии эвенков, других трудов в то время еще не было. Совершенно новым делом было и преподавание эвенкийского языка. Его стали изучать на основе грамматики М.А.Кастрена с привлечением носителя языка - прибайкальского эвенка Полтеева, от которого велась запись текста на эвенкийском языке с последующим подробным морфологическим анализом. (23) Думается, что Г.М.Василевич также активно участвовала в этих занятиях, чтобы как можно быстрее овладеть эвенкийским языком. Этому же способствовала и вторая ее экспедиция к эвенкам, осуществленная также по линии Северного Комитета, сроки которой были еще более продолжительными - с сентября 1926 по апрель 1927 гг. На этот раз Г.М.Василевич выбрала среднюю часть бассейна Подкаменной Тунгуски - Богучанский и Таимбский районы Красноярского округа. Проведя в экспедиции больше полугода, она собрала новые материалы, которые так же, как и в первый раз, сдала после обработки в ИПИИ (бывший КИПС - Комиссия по изучению племенного состава). Кроме того, она привезла от эвенков свою первую коллекцию, характеризующую, в том числе, и такой редкий феномен как детская игра в шаманство, которую передала в Музей антропологии и этнографии.(24) На основе материалов, собранных в этой экспедиции, была написана новая статья “Игры тунгусов”.(25)

С 1927 г., не оставляя преподавания этнографии в университете, Г.М.Василевич начинает работать по совместительству на Северном факультете Ленинградского Восточного института, который был только что создан специально для обучения представителей северных народов. В 1930 г. факультет был реорганизован в самостоятельное учебное заведение - Институт народов Севера, где началась научно-исследовательская и научно-практическая работа по созданию письменности на языках коренных народов Севера. (26) Г.М.Василевич активно включается в

эту работу и приступает к написанию учебников по эвенкийскому языку. Уже в 1928 г. она выпускает эвенкийский букварь, ставший первым пособием по изучению этого языка.(27)

Эта небольшая книжечка в 30 страниц была издана примитивным стеклографическим способом, по существу написана от руки, так как еще не существовало типографских шрифтов для подобных публикаций. Называлась она “Памятка тунгусам-отпускникам”, потому что ее раздавали студентам-эвенкам Северного факультета, уезжавшим на каникулы, чтобы они пользовались ею для обучения грамоте на местах. Сохранились воспоминания Глафиры Макарьевны о том, как в 1927 году ей “самой пришлось “отпечатать” (написать печатными буквами) первую азбуку и размножить на стеклографе. ...эвенки, уезжая в отпуск, развезли эту азбуку по всем районам, и там, в чумах, сами учили читать и писать на родном языке (на латинизированном алфавите) детей и взрослых эвенков”. (28) В 1929 г. таким же способом была “отпечатана” “Первая книга для чтения на тунгусском языке”, состоящая из 28 небольших эвенкийских текстов. (29)

О том, насколько напряженной была эта работа, говорит тот факт, что Г.М.Василевич даже сделала перерыв в экспедиционных поездках и в 1928 г. не выезжала в “поле”. Но уже в 1929 году она опять проводит более трех месяцев в Сибири, обследуя по заданию Комитета Севера эвенков бассейна Олекмы и Витима. В этой экспедиции она уже настолько осваивает эвенкийский язык, что нередко сама выступает переводчиком в общении эвенков с представителями местной власти, и на районном съезде советов свой доклад о деятельности Комитета Севера делает на эвенкийском языке. (30). Знание языка помогает ей и в сборе этнографических материалов, на основании которых по возвращении в Ленинград она пишет в журнал “Этнография” статью об охотничьих обрядах и представлениях у тунгусов.(31)

Все эти годы она сотрудничает также с Музеем антропологии и этнографии, где ее учителя Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз вместе с другими сотрудниками проводят большую работу по обновлению музейных экспозиций. Глафира Макарьевна тоже привлекается к этой деятельности и принимает непосредственное участие в создании трех выставок. В 1926 г. - по истории орудий и оружия и при этом составляет путеводитель по выставке, изданный музеем. (32) В 1927 г. - по истории жилища и хозяйственных построек, а в 1930 г. на выставке по истории религии она готовит отдел “Душа после смерти”. (33)

В 1930 г. Г.М.Василевич получает специальное задание от Музея антропологии и этнографии по изучению сымских эвенков и по командировке от Академии наук СССР едет в район левого притока Енисея р.Сым, где собирает обширный материал по этнографии и языку этой группы. В Музей она привозит новую коллекцию по традиционной культуре эвенков, включающую орудия труда, предметы быта, а также редкие экспонаты одежды, в том числе уникальный обрядовый костюм. (34) Собранные данные позволяют ей составить представление об особенностях формирования сымских эвенков, их культурной и языковой специфике. Эти материалы с глубоким научным анализом Г.М.Василевич публикует в двух статьях, изданных в 1931 г., которые характеризуют ее как прекрасного специалиста и высокого профессионала в области тунгусской этнографии.(35) Здесь она впервые высказывает новые идеи, которые затем будет успешно развивать в своих последующих исследованиях, в частности, о культурных и языковых параллелях у крайне западных и крайне восточных групп тунгусов. Эта идея будет позднее, уже в 80-е годы, достаточно продуктивно использована в работах следующего поколения тунгусоведов. (36) Кроме того, материалы сымской экспедиции помогут Г.М.Василевич в написании еще многих ее этнографических работ (37), что свидетельствует о прекрасно проведенном полевом исследовании и о том, что к началу 30-х она стала первоклассным специалистом-этнографом. И тем более обидно, что 1931 год становится последним в том удивительно плодотворном периоде работы, когда Г.М.Василевич успешно совмещала свои этнографические и лингвистические исследования.

Обстоятельства складываются таким образом, что на целое десятилетие (1931-41 гг.) она целиком уходит в лингвистическую деятельность. Дело в том, что географический факультет университета, на этнографическом отделении которого в должности сначала младшего, а затем старшего ассистента Г.М.Василевич в течение пяти лет преподавала курс этнографии тунгусо-маньчжурских народов, в 1931 г. перестал существовать. В 1930 г. он был переведен на филологический факультет, а в 1931 г. просто ликвидирован. (38) Г.М.Василевич переходит в 1931 г. на основную работу в Педагогический институт имени А.И.Герцена, где она преподает эвенкийский язык на северном отделении Литературного факультета, осуществляя подготовку кадров языковедов и учителей из среды коренных народов Севера. При этом она продолжает педагогическую деятельность и в Институте народов Севера, Научно-исследовательская ассоциация которого, совместно с Комитетом нового алфавита направляет ее в том же 1931 г. в лингвистическую экспедицию к эвенкам Нижней Тунгуски.

Основной целью поездки являлась проверка только что вышедшей из печати “Начальной книги” на эвенкийском языке. (39) Это была первая эвенкийская книга, изданная типографским способом, что стало возможным после правительственного утверждения в феврале 1931 г. проекта алфавита народов Севера. Она была составлена Г.М.Василевич и кроме самих текстов для чтения включала краткую характеристику основных особенностей сымского, подкаменно-тунгусского, токминского, ербогаченского, олекминского и амурского диалектов. К этому времени Г.М.Василевич уже в совершенстве владела эвенкийским языком на уровне нескольких его диалектов, которые она изучила в четырех экспедициях у разных групп эвенков, а также общаясь со своими эвенкийскими студентами. В ее планы входило теперь составление эвенкийско-русского диалектологического словаря, поэтому для экспедиции 1931 г. она выбрала обширный район бассейна Нижней Тунгуски, где до этого времени ей еще не приходилось бывать. На лодке она проехала по всей Нижней Тунгуске от самых ее верховьев до впадения в Енисей и по пути следования заезжала на основные притоки. (40) Благодаря этому Г.М.Василевич пополнила свои материалы данными о языковых особенностях нижне-тунгусских эвенков и по возвращении в Ленинград приступила к написанию диалектологического словаря. Теперь в ее распоряжении был необходимый словарный материал по всем эвенкийским говорам, распространенным к западу от р.Лены, в бассейне Енисея. Описание говоров восточных эвенков она предполагала осуществить во второй части запланированной ею работы по диалектологии.

Основную цель своего словаря Г.М.Василевич определяет как “предоставление возможности использовать словарный материал говоров для облегчения перехода к единому письменному литературному языку”. (41) Эта проблема - создание письменности и единого литературного языка, способного обслуживать все диалектные группы, стояла в отношении эвенков очень остро. Для ее решения необходимо было провести исследование основных диалектов и выбрать наиболее подходящие для литературного языка грамматические формы, которые могли бы быть положены в его основу. Подготовка данного словаря была первым серьезным шагом в этом направлении. Издание включало около 5 000 словарных статей, в которых наряду с диалектными формами давалось также литературное написание, отмеченное жирным шрифтом, что должно было способствовать скорейшему становлению общеэвенкийского литературного языка, только начинающего складываться на основе выбранного с этой целью непского говора. Работа над словарем шла очень интенсивно: в декабре 1931 г. Г.М.Василевич закончила написание введения, а еще через год все материалы были сданы в набор. Однако издание увидело свет только в 1934 г., и к этому времени Василевич успела подготовить еще один солидный труд - первый “Учебник эвенкийского языка”, которым в течение ряда лет пользовались учителя, студенты, аспиранты и научные работники. (42) Обе работы представляли собой значительный вклад в лингвистические

исследования и были высоко оценены присуждением Г.М.Василевич в 1935 г. ученой степени кандидата лингвистических наук (по эвенкийскому языку) без защиты диссертации.(43)

Кроме того, в 1934 году Г.М.Василевич заканчивает еще одну крупную работу - подготовку к изданию сборника материалов по эвенкийскому фольклору, выход которого в 1936 г. стал настоящим событием не только в области тунгусоведения, но и фольклористики в целом. Это был первый фундаментальный труд по эвенкийскому фольклору, который до этого изучался крайне мало. Г.М.Василевич включила в сборник, во-первых, основные известные к этому времени записи текстов, начиная с XVIII в. (И.Георги, Г.Гут, В.Н.Васильев и др. - в основном они находились в мало доступных публикациях либо хранились в архивах), и, во-вторых, материалы, собранные как ей самой, так и другими сотрудниками Института народов Севера в 1925-31 гг. При этом раздел, составленный из текстов, записанных Г.М.Василевич в четырех ее экспедициях и у ряда слушателей Института народов Севера, и называющийся "Материалы по фольклору сибирских эвенков" занимал самую значительную часть сборника. Это были сказки о животных, предания, мифологические рассказы, шаманские песни, загадки. Тексты публиковались на соответствующих эвенкийских диалектах с параллельным объяснительным переводом на русский язык, то есть в полном соответствии с научными требованиями, выработанными к этому времени советской фольклористикой. (44) В краткой вступительной статье сообщались ценные сведения о состоянии фольклора эвенков к моменту издания сборника, об особенностях его бытования, об исполнителях, от которых были произведены записи, и давалась общая фольклористическая оценка материала. Г.М.Василевич принадлежали также сноски и пояснения ко всем текстам сборника. (45)

Наряду с названными фундаментальными исследованиями, какими являлись диалектологический словарь, первый учебник эвенкийского языка, а также сборник по фольклору, Г.М.Василевич в тридцатые гг. занимается разработкой еще одного важного научно-практического направления, которое заключалось в выпуске первых учебных пособий на эвенкийском языке для младших классов начальной школы. Буквари, книги для чтения, учебники арифметики, грамматики, правописания - все это было крайне необходимо для развития образования среди коренных народов Севера, и написание этих простых, казалось бы, школьных учебников также требовало огромной исследовательской работы, включающей изучение звукового состава, грамматического строя, диалектных особенностей языка. Всего Г.М.Василевич было выпущено свыше 50 учебников для начальной школы на эвенкийском языке и примерно такое же число русских подстрочных переводов к ним, методических разработок, программных материалов и пр.(46)

По этой же линии была осуществлена в 1935-36 гг. и новая масштабная экспедиция в Эвенкийский национальный округ. На этот раз в задачи Г.М.Василевич, командированной Министерством просвещения, входили проверка качества изданных для эвенкийских школ учебников, консультации и оказание помощи учителям, а также сбор материалов по методике преподавания родного и русского языков. Экспедиция длилась более шести месяцев (с июля 1935 по февраль 1936 г.), в течение которых Г.М.Василевич побывала в трех районах Эвенкийского округа, проехав по огромному маршруту, включающему такие пункты как Байкит, Тычаны, Тура, Нидым, Кербо, Стрелка, Чуня, Вановара, Кежма, Канск.(47) В результате ею был собран значительный материал, использованный затем как в учебной, методической и педагогической литературе, так и в преподавательской работе со студентами.

Этнографическое направление при этом тоже не забывалось, и, как всегда, находясь среди эвенков, Г.М.Василевич работала не только по языку, но и в области этнографии, тщательно фиксируя все свои наблюдения по хозяйству, быту, культуре, все, что в будущем могло быть использовано при написании этнографических работ. Однако до 1942 г. занятия этнографией остаются на втором плане. Нельзя сказать, что Г.М.Василевич совсем оставляет их, как мы

увидим в дальнейшем, она продолжает обрабатывать этнографические материалы, но делает это как бы для себя, без публикаций, в качестве задела на будущее. И, действительно, на более серьезные занятия этнографией просто не хватает времени, так как все силы отнимает лингвистика.

Основным местом работы в конце тридцатых годов по-прежнему остается Северное отделение Пединститута имени А.И.Герцена, где Г.М.Василевич преподает эвенкийский язык, занимая должность доцента. Но она не оставляет и научно-исследовательской деятельности, работая по совместительству в 1937-39 гг. в должности старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Центрального института языка и письменности (ЛОЦИЯП), влившегося затем в Институт языка и мышления имени Н.Я.Марра Академии наук СССР. (48)

Этот период (1937-41 гг.) ознаменован для Г.М.Василевич написанием трех новых больших исследований по языку. Два из них успевают выйти в свет до войны в 1940 г. Это - "Очерк грамматики эвенкийского языка", и "Эвенкийско-русский словарь", оба представляющие собой значительный вклад в лингвистическое тунгусоведение. (49) В "Очерке грамматики", состоящем из разделов фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, впервые материалы эвенкийского языка были сведены в целостную систему. А "Словарь", содержащий уже около 10 тысяч слов, был не только вдвое больше по объему, чем предыдущий, 1934 года издания, но и качественно отличался от него, будучи первым опытом составления практического словаря письменного эвенкийского языка. Третья крупная работа этого периода - "Очерки по диалектологии эвенкийского языка" была завершена в 1941 г., одобрена Институтом языка и мышления имени Н.Я.Марра и не только подписана к печати, но и сдана в набор, однако начавшаяся война помешала выходу ее в свет, и этот труд был опубликован только в 1948 г. (50)

Нельзя обойти вниманием и еще одно важное направление деятельности Г.М.Василевич, пришедшееся на тридцатые годы и связанное с изданием оригинальной и переводной художественной и политико-просветительной литературы. Оно требовало больших затрат сил и времени, так как под руководством Г.М.Василевич и с ее непосредственным участием были переведены и отредактированы свыше 50-ти таких произведений. Как писала она сама в автобиографии, "90 % переводной литературы с 1934 по 40 гг. проведено при моем ближайшем участии как учителя переводчиков и редакторе. Вся оригинальная литература, выпущенная под моей редакцией, - результат моей работы с наиболее талантливыми эвенками". (51)

Война жестоко меняет всю ее жизнь, разрушая не только рабочие планы, но и отнимая самых дорогих близких людей. Первый год войны до июля 1942 г. Г.М.Василевич находится в Ленинграде, перенося все ужасы блокады и теряя мать, своего единственного близкого человека. Как и все жители осажденного Ленинграда, она участвует в земляных работах по укреплению обороны города, в частности, в сентябре 1941 г. роет окопы в районе Рыбацкого. После окончания войны ей были присуждены две правительственные награды - в 1945 г. медаль "За оборону Ленинграда" и в 1946 г. медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.". Несколько раз из-за изменений военного времени ей приходится менять место работы. В августе 1941 г. пединститут имени А.И.Герцена сокращает штат, и Г.М.Василевич вновь возвращается в Институт народов Севера. Однако уже в марте 1942 г. институт эвакуируют, но Василевич не уезжает, что, надо думать, было связано с тяжелым состоянием ее матери, которая, по-видимому, уже не имела сил для отъезда.

Глафира Макарьевна ищет новую работу в Ленинграде и находит ее в Институте этнографии АН СССР. 7 апреля 1942 г. она обращается с заявлением на имя директора Института, которым был в то время д.и.н. С.М.Абрамзон. Мотивируя свою просьбу о предоставлении работы в Отделе Сибири, она пишет: "Я тунгусовед... Имею степень кандидата по тунгусско-эвенкийскому языку и звание доцента. В Музее (имеется ввиду МАЭ - Н.Е.) работала по совместительству, в частности, устраивала выставки ...С 1925 -31 гг. вела курс

этнографии тунгусо-маньчжурских племен в университете на Геофаке. ...За многие экспедиции в Сибирь у меня скопился большой материал, частично обработанный. Последняя тема, над которой я сидела несколько лет и которая требует еще года три работы, это вопросы происхождения эвенкийских и др. тунгусо-маньчжурских племен по данным языка, фольклора и этнографии. С этой темой мне бы и хотелось стать сотрудником Института”. Резолюция на заявлении гласит: “Зачислить Г.М.Василевич на должность старшего научного сотрудника Отдела Сибири с 10 апреля с окладом 1700 рублей”. (52) Так на всю последующую жизнь определяется судьба Глафиры Макарьевны: отныне до самых последних дней, без малого тридцать лет, ее творчество будет связано в первую очередь с изучением этнографии и работой в Институте этнографии АН СССР, хотя при этом занятия лингвистикой она не оставляла никогда.

12 июля 1942 г., уже после смерти матери, Г.М.Василевич эвакуируется вместе с Институтом в г.Казань, а затем в сентябре - в Ташкент, где и находится до марта 1944 г. (53) В течение этого времени, несмотря на сильную ослабленность организма после тяжелых месяцев блокады и неустроенность быта в эвакуации, Г.М.Василевич продолжает интенсивно работать. Сохранилась выписка из приказа по Институту этнографии от 8 ноября 1943 г. (г.Ташкент) о премировании за успешную работу в 1943 г. (перевыполнение производственного плана, выполнение неплановых работ и заданий) старшего научного сотрудника Г.М.Василевич в размере двухнедельного оклада. (54) Теперь ее главная задача состоит в написании нового фундаментального труда “Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов”, и в 1945 г. она заканчивает первую часть этого исследования “Материалы языка” объемом 30 авторских листов. Кроме этого, в 1944 г. она завершает работу “Религиозные представления и действия эвенков” (5 а.л.). (55)

В марте 1944 г. Г.М.Василевич вызывается из Ташкента в Москву в командировку на полтора месяца специальным приказом Народного Комиссариата Просвещения “для работ над учебниками для народов Крайнего Севера”. Затем ее командировка еще дважды продлевается на май и июнь, как сказано в приказе, “для окончания работы над учебником для эвенкийских школ”. (56) Как только задание было выполнено, Г.М.Василевич возвращается к месту своей постоянной работы в Институт этнографии и с 19 июня 1944 г. приступает к своим основным обязанностям в Отделе Сибири. С этого времени подавляющее большинство ее работ посвящено проблемам этнографии и опубликовано в различных изданиях Института этнографии. Однако публикации первого послевоенного времени - 1945-48 гг. - содержат еще в значительной степени сравнительный языковой материал, и все они написаны как бы на стыке лингвистики и этнографии. Очевидно, в этом сказывалась не только профессиональная подготовка в области языкознания, но и то, что основной исследовательской темой Г.М.Василевич в предшествующий военный период были “Материалы языка к проблеме этногенеза”. Этот огромный труд в 30 а.л. был завершен в 1945 г., но из-за отсутствия средств лежал в архиве, поэтому Г.М.Василевич частично начала публиковать его в виде выдержек из отдельных глав, а также автореферата монографии. Названия этих публикаций говорят сами за себя: “Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов”, “Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов” (автореферат монографии), “Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы”. (57) Признанием научной значимости этих публикаций для этнографического сибиреведения можно считать то, что в 1947 г. Г.М.Василевич было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности “этнография”.(58) Таким образом, она впервые получает официальное подтверждение своей профессиональной деятельности в качестве этнографа.

В течение 1946 г. Г.М.Василевич продолжает работать над проблемой тунгусского этногенеза, на этот раз сосредотачиваясь на фольклорных материалах. К концу года она

завершает эту огромную работу, представив в виде отчета объемный труд около 20 авторских листов. (59) Он включает в себя разделы по этнонимике, межплеменным отношениям, отраженным в фольклоре, а также представления о вселенной и окружающей природе. Однако так же, как и “Материалы языка”, этот труд остался лежать в архиве, и лишь некоторые выдержки из его глав были опубликованы со временем в виде отдельных статей. (60)

Вместе с тем, в эти годы удалось опубликовать две большие лингвистические работы, подготовленные Г.М.Василевич еще перед войной. В 1948 г. они обе, наконец, увидели свет. Это были “Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка”, в 1941 г. подписанные к печати, а также “Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь”, содержащий около 20 тысяч слов, над которым Глафира Макарьевна работала также с конца тридцатых гг. В 1946-начале 1947 гг. она снова занялась их подготовкой к изданию, совмещая эту работу со своей основной деятельностью в Институте этнографии. Кроме того, с возобновлением с середины сороковых годов издания учебников для эвенкийской начальной школы Г.М.Василевич опять включается в эту работу и участвует в ней до 1951 г. (62)

И все же основной деятельностью Г.М.Василевич в 1947 - 48 гг. было проведение двух длительных стационарных экспедиций в южные районы Якутии и Хабаровского края. Изучение этого региона было связано с продолжением работы над проблемой тунгусского этногенеза. Для исследования не доставало материалов по восточным группам эвенков, которые специально никогда не изучались. Поэтому и были предприняты две широко масштабные экспедиции, общей продолжительностью более года, в течение которых планировалось собрать недостающие материалы по всем основным группам восточного ареала расселения эвенков. Выехав из Ленинграда в конце марта 1947 г., Г.М.Василевич вернулась домой только в феврале 1948 г., таким образом, длительность первой командировки составила более десяти месяцев. Маршрут экспедиции был окончательно выработан в Якутске, он включал четыре административных района - Тимптонский и Учурский в Якутии и Желтулакский и Зейско-Учурский в соседней Амурской (бывшей Читинской) области. Местные эвенки были сосредоточены здесь в нескольких охотничье-оленьеводческих колхозах, которые располагались в небольших таежных поселках. Чтобы добраться до каждого такого пункта, нужно было ехать десятки километров, например, до Сутамского колхоза - 350 км, по тайге, где основным средством передвижения являлся олень. Поэтому, не считая передвижения на машинах к районным центрам, Г.М.Василевич пришлось преодолеть по тайге свыше 1500 км верхом на оленях в летне-осенний период и около 1000 км на нартах - зимой. (63)

В феврале 1948 г. Глафира Макарьевна на несколько месяцев вернулась в Ленинград, но уже летом она вновь в экспедиции. На этот раз в район своих исследований она добиралась через Хабаровск, а оттуда - к верховьям рек Урми, Амгуни и притоков Буреи в Кур-Урмийском и Верхне-Буреинском районах. В ноябре Г.М.Василевич заканчивает экспедицию и приступает к интенсивной обработке собранных материалов. Это не только записи по этнографии, языку и фольклору, но также отснятые фото пленки и три новых коллекции общей сложностью около 150 предметов, содержащие деревянные и берестяные игрушки, а также традиционные орнаменты и трафареты. (64)

Но главное, что теперь, после более чем года полевых исследований, она может снова заняться написанием статей. Работает упорно и продуктивно. В результате 1949 год ознаменован выходом восьми новых публикаций на самые разнообразные темы. Это и полевые материалы, причем не только последней поездки, (65) но также и тридцатилетней давности, привезенные еще в 1930 г. от сымских эвенков, (66) большое сравнительное исследование по одному из элементов одежды у народов Сибири, (67) новое блестящее использование лингвистических материалов в решении этнографических проблем, (68) работы историко-этнографического плана. (69) Кроме того, еще не было опубликовано, но уже завершено и

принято к печати такое крупное исследование, как глава “Эвенки” объемом 5 а.л. для готовящегося тома “Народы Сибири” в академической серии “Народы мира”. (70)

Продолжением этого плодотворного научного взлета стали и работы, вышедшие в последующих 1950-51 гг. Наибольший интерес среди них представляют две, о которых необходимо сказать подробнее. Это, во-первых, большая статья об олимпийских эвенках, написанная на основе предметной коллекции В.Н.Васильева, дающая прекрасный пример использования музейных материалов в качестве этнографического источника, (71) и, во-вторых, написанная в соавторстве с М.Г.Левиным и получившая большую известность работа “Типы оленеводства и их происхождение”, (72) составившая важный этап в исследовании одной из сложнейших тем сибиреведения, связанной с возникновением самого распространенного в северной Азии вида кочевого хозяйства.

Все это убедительно показывает, что в конце сороковых - начале пятидесятых Г.М.Василевич переживала настоящий творческий подъем. Новые интересные публикации говорили о ее высоком научном профессионализме, размах работ свидетельствовал об огромной исследовательской работоспособности и самоотдаче. Однако названные опубликованные работы составляли лишь часть того, что было действительно написано Г.М.Василевич в этот период. Самое значительное, над чем она неустанно трудилась, еще только готовилось к печати. Это было завершение рукописи “Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов”, ее главное детище на протяжении последних десяти лет. Исследование состояло из трех частей, первая из которых - “Материалы языка” в 30 а.л. была написана ранее всего, еще в войну, в период блокады и эвакуации. Вторую часть - “Материалы фольклора” (около 20 а.л.) Г.М. Василевич завершила в 1946 г. и вслед за этим сразу принялась за работу над третьей частью, посвященной этнографии. При этом она упорно дорабатывала уже написанное по языку и фольклору, постоянно внося туда дополнения и новые материалы, собранные в последних экспедициях. В то же время она стремилась уменьшить общий листаж, понимая, что издавать рукопись столь колоссального объема было совершенно нереально. Работа шла с фантастическим напряжением сил. По воспоминаниям людей, хорошо знавших Глафиру Макарьевну, она всегда отличалась исключительным трудолюбием и работоспособностью, проводя за письменным столом ежедневно не менее 12 часов, а в случае “срочной” работы и по 18 часов. (73) Благодаря этому к началу 50-х исследование было завершено. Теперь оно составляло в общей сложности 50 авторских листов, из которых самой значительной частью по-прежнему оставались “Материалы языка”, сокращенные до 28 а.л. (611 стр.). “Материалы фольклора” насчитывали 13 а.л. (291 стр.) и “Материалы этнографии” - более 9 а.л. (202 стр.). Последние представляли собой пять глав, посвященных соответственно оленеводству, охоте, жилищу, одежде и колыбели. Каждая из глав была написана на широком сравнительном материале, привлечение которого позволило Г.М.Василевич наметить время появления того или иного элемента культуры.

Такое фундаментальное комплексное исследование, без сомнения, должно было стать крупным событием в развитии тунгусоведения, составляя значительный шаг вперед и в лингвистическом, и в этнографическом его направлениях. Каждая из трех больших частей этой колоссальной работы могла быть представлена в виде докторской диссертации, не говоря уже об исследовании в целом, и, по-видимому, Глафира Макарьевна предполагала заняться подготовкой к защите докторской. Во всяком случае, среди ее бумаг и документов, сохранившихся в Отделе Сибири, есть свидетельства, подтверждающие это. Однако жизнь распорядилась иначе. 8 апреля 1952 г. Г.М.Василевич была арестована и осуждена по 58

ст. Ее обвинили в том, что она “...в период с 1930-1939 гг. и с 1946 по 1951 гг. в издаваемой учебной, художественной литературе на эвенкийском языке и научных статьях допускала искажения политического характера, протаскивала реакционные теории о языке, вульгаризировала в грубой натуралистической форме словари... В письме к одному из депутатов Верховного Совета РСФСР и в конспекте “Марксизм и национальный вопрос” клеветала на национальную политику КПСС и Советской власти”. (74). Три месяца Г.М.Василевич находилась под следствием, которое к началу июля признало ее виновной в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, ч.1 УК РСФСР. По приговору Судебной Коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 12 июля 1952 г. она была приговорена к лишению свободы на 10 лет, с поражением в правах на 5 лет и лишена медалей “За оборону Ленинграда” и “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”. (75) Но уже за месяц до этого, 9 июня она была отчислена из штата Института этнографии, и ее личное дело передано в Архив Академии наук. (76)

Не согласившись с вопиюще несправедливым судебным решением, Г.М.Василевич подала кассационную жалобу на вынесенный приговор, однако определением Верховного Суда РСФСР от 19 августа 1952 г. эта жалоба была оставлена без удовлетворения. (77) Так, ставшая без вины виноватой, известная, заслуженная, уже не очень молодая (57 лет) исследовательница была лишена всех человеческих прав и отправлена на 10 лет отбывать наказание в исправительно-трудовых лагерях. Неизвестно, как сложилась бы ее дальнейшая судьба, не исключено, что могла закончиться и совсем трагически, если бы не два обстоятельства, которые можно назвать огромным везением. Во-первых, Г.М.Василевич отправили не в суровую Воркуту или Колыму, а в Молотовскую (ныне Пермскую) область - местность с более мягким климатом, не столь губительным для здоровья в сравнении с крайним севером. И, во-вторых, что самое главное - она была осуждена не в 1937, а в 1952 году, то есть за год до смерти Сталина. Поэтому, к счастью, ей пришлось отсидеть не полный 10-тилетний срок, а “всего лишь” три года. Появившийся уже 27 марта 1953 г. Указ “Об амнистии” давал надежду на скорейшее освобождение.

Однако реально Г.М.Василевич отбывала наказание в местах заключения еще полтора года, пока по постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР от 30 июня 1955 г. она не была освобождена 18 июля 1955 г. “со снятием судимости”. Получив билет на проезд, деньги на питание в пути, продовольствие на 3 суток и, поставив на справке № 0000736 расписку освобожденного, она последовала “к избранному месту жительства г. Ленинград”. (78)

Сразу по прибытии она обращается в Институт на старое место работы, 5 августа получает свою сданную три года назад в архив трудовую книжку (79) и через два месяца, едва отдохнув от пережитых потрясений, с 1 октября 1955 г. приступает к нормальной трудовой деятельности в своей прежней должности старшего научного сотрудника Отдела Сибири. Наступает новый этап ее жизни и творчества. Ей 60 лет и, несмотря на все испытания, еще есть здоровье и силы для продолжения любимой работы. 15 лет будет отпущено судьбой на новые исследования, которые стали замечательным венцом ее творческого пути. И, по воспоминаниям своих коллег, “она никогда в разговорах не возвращалась к теме несправедливого суда и наказания”, и “в ее поведении не было нисколько озлобленности”. (80)

Четырехлетний период полного отсутствия публикаций закончился для Г.М.Василевич в 1956 г. выходом в свет тома “Народы Сибири” (в серии “Народы мира”), где была опубликована завершенная Глафирой Макарьевой еще до заключения глава “Эвенки”. Несмотря на существенное ее сокращение - с пяти до трех авторских листов, это было хорошее начало в продолжении трагически прерванной работы. Участие в таком крупном коллективном издании Института этнографии, получившем мировую известность и опубликованном вскоре в США на английском языке, стало важной вехой в научной биографии Г.М.Василевич. Она снова в

работе, у нее много творческих планов, нужно спешить наверстать упущенное, не по своей вине потерянное время.

И, прежде всего, ей хотелось издать то, что уже давно было готово и более десятка лет пылилось на полках архива. Она вновь обращается к этим рукописям и, внося в них большую научную доработку, частично сокращает до более компактного издательского объема. В результате одна из таких работ, завершенная еще в 1944 г., вышла, наконец, в 1957 г. в сборнике МАЭ под названием “Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков”. (81) Она стала несомненной творческой удачей. Написанная целиком на собственных полевых материалах, собранных у разных групп эвенков в экспедициях 1929, 1930, 1935-36 и 1947-48 гг., эта большая статья вводила в научный оборот очень интересные, до того неизвестные или малоизвестные данные об обрядовой стороне таежной культуры эвенков. Ритуалы добывания охотничьего счастья, посвящения оленя, медвежьи церемонии впервые были рассмотрены достаточно подробно и глубоко. Здесь же был впервые описан уникальный обряд *икэнипкэ* - “обновление жизни”, который Г.М.Василевич наблюдала у сымских эвенков в 1930 г.

Кроме того, Г.М.Василевич не оставляла надежды на издание “Материалов языка к проблеме этногенеза тунгусов”. Ее активно поддерживали в этом известные лингвисты, занимающиеся проблемами алтаистики. Известно, например, о положительных отзывах на эту работу профессоров В.И.Цинциус и А.Н.Кононова. Используя как повод то, что в 1960 г. в Ленинграде планировалось проведение 25 международного конгресса востоковедов, они писали в 1958 г., что “желательно скорейшее опубликование интересного по широте постановки вопросов этногенеза по данным языка труда Г.М.Василевич, тем более что в области алтаистики за последние годы не было сколько-нибудь значительных публикаций такого охвата”. (82) К сожалению, несмотря на все усилия, этот труд так и не был опубликован, и лишь незначительная его часть вошла в отдельные публикации. (83)

Более удачно складывалась судьба лексикографических работ Г.М.Василевич, что, очевидно, определялось положением дел в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей в Москве и его лучшим финансированием. Последний эвенкийско-русский словарь, подготовленный Г.М.Василевич и изданный этим издательством в 1958 г., стал и ее последней крупной работой в области языкознания. Он включал в себя около 25 тысяч слов, составляя по объему 60 авторских листов. Это был самый большой словарь, написанный Г.М.Василевич, пятый по счету (после двух эвенкийско-русских и двух русско-эвенкийских словарей), завершающий начатую ею выпускком в 1934 г. небольшого диалектологического словаря огромную работу в области лексикографии. К словарю прилагался грамматический очерк эвенкийского литературного языка с характеристикой диалектов и карта, указывающая их распространение. Выход столь крупного словарного издания был высоко оценен специалистами, в том числе и за рубежом, о чем свидетельствуют отзывы таких известных исследователей в области алтаистики, как К.Менгес, И.Бенциг, О. Прицак. (84) Однако словарь стал ценнейшим пособием не только для лингвистов и переводчиков, он незаменим также и для этнографов, которые опираются на его материалы как на надежный научный источник, помогающий в изучении того или иного явления культуры и истории эвенков.

И все-таки главным содержанием деятельности Г.М.Василевич теперь уже неизменно остается этнография. Она активно включается в работу Отдела Сибири и участвует во всех крупнейших изданиях Института этнографии. Ее статьи начинают ежегодно выходить в Сборниках МАЭ, Трудах и Кратких сообщениях Института, в журнале “Советская этнография”. Каждая новая тема, разрабатываемая Г.М.Василевич, затрагивает важную исследовательскую проблему и поднимает интересный сравнительный материал. В конце 50-х гг. ее привлекают данные по одежде и колыбели, в обращении к которым она видит хорошую научную перспективу. В 1957-58 гг. выходят две первые работы, освещающие эти сюжеты: “К проблеме

этногенеза тунгусо-маньчжуров (По материалам изучения колыбелей)” и “Тунгусский кафтан (К истории его развития и распространения)”. (85) Обе написаны в этногенетическом аспекте, который по-прежнему более всего интересует исследователя. Немного позднее, в начале 60-х гг. выйдут еще две значительные публикации, продолжающие разработку этой тематики на широком сибирском материале - “Тунгусская колыбель (В связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров)” и “Типы обуви народов Сибири”. (86) И в каждом случае Г.М.Василевич выступала научным первопроходцем, поднимающим тяжелую исследовательскую целину. Свежая мысль, новизна подходов, никаких банальностей или повторов уже написанного до нее. Во всем сказывается пылкий ум, великолепное владение материалом и прекрасная базовая подготовка, основы которой были получены еще в студенческие годы в школе Л.Я.Штернберга и В.Г.Богораза, а затем развиты в период преподавания этнографии в университете и во время продолжительной работы в “поле”.

В это же время Г.М.Василевич приступает к написанию своего основного этнографического труда - монографии “Эвенки”. Эта работа проходит по планам Сектора Сибири в 1958-60 гг. Всего за три года огромная рукопись была завершена, обсуждена в отделе и представлена Ученым Советом Ленинградского отделения Института этнографии на Совет Московского отделения. Почти 500 страниц текста, 110 фотографий и рисунков, 8 карт-схем и приложение “Список родовых названий, записанных в XVII-XX вв., и их распространение” - общий объем 35 авторских листов. К величайшему сожалению, эта интереснейшая работа, представляющая собой первое крупное этнографическое исследование истории и культуры эвенков, увидела свет, во-первых, только через 7 лет, в 1969 г. и, во-вторых, в значительно сокращенном, урезанном виде. Был сильно уменьшен иллюстративный материал, серьезно пострадали за счет сжатия листажа главы исторического характера и разделы по традиционной культуре, наконец, была совсем выброшена последняя третья часть, в которой рассматривалась история советского, кооперативного и культурного строительства. Такое сокращение не могло не отразиться на качестве исторической части и главах по традиционной культуре, что в значительной степени исказило первоначальное содержание работы и сыграло основную роль в том, что монография “Эвенки” после выхода в свет наряду с высокими положительными отзывами получила также и некоторую нелицеприятную критику.

Что касается последней части исследования, посвященной советскому периоду истории эвенков, то она так и осталась неопубликованной, хотя Глафира Макарьевна вложила в ее написание огромный труд, связанный, во-первых, с собиранием необходимых материалов, и, во-вторых, с их обработкой, анализом, научной интерпретацией. О том, насколько серьезно готовила Г.М.Василевич эту часть монографии, говорит тот факт, что во время написания книги она дважды, в 1959 и 1960 гг. специально выезжала в “поле” для того, чтобы на месте познакомиться с происходящими изменениями и довести исследование до самого последнего времени. Первая из этих экспедиций была предпринята в Катангский район Иркутской области, на верхнюю половину бассейна Нижней Тунгуски. Эта поездка, в которой Г.М.Василевич работала совместно с двумя московскими коллегами - этнографом Ю.Б.Стракачом и антропологом Ю.Г.Рычковым, состоялась в июне-августе 1959 г. А спустя год, летом 1960 г. Глафира Макарьевна побывала в Эвенкийском национальном округе, где она работала вместе с фотографом и посетила пять эвенкийских колхозов в Байкитском и Илимпийском районах.

В обеих экспедициях ей удалось собрать прекрасные полевые материалы, по которым были представлены научные отчеты и докладные записки. Что касается публикаций, то эти материалы были предназначены для издания в монографии, в последней ее части по современности и поэтому к отдельному выходу не готовились. Исключение составила лишь одна статья, посвященная традиционному и современному быту эвенков Катангского района,

опубликованная Г.М.Василевич в Трудах Института этнографии в 1962 г. (87) Все остальное осталось лежать в архиве.

К сожалению, подобная участь выпала на долю и еще одной работы “Заселение эвенками енисейской тайги”, которая была написана Г.М.Василевич в 1961 г. на основе литературных, архивных и полевых источников XVIII-XX вв. и составляла вместе с иллюстрациями около 4,5 авторских листов. Эту свою статью Г.М.Василевич также не увидела опубликованной, она вышла уже посмертно в сборнике, посвященном ее памяти. (88)

Однако не все было так безнадежно. И если большие рукописи годами ожидали появления финансовых возможностей для своего выхода в свет, то работы меньшего объема имели вполне благополучную судьбу. А Г.М.Василевич, благодаря своей целеустремленности и потрясающей работоспособности успевала писать и “в стол”, и в издательство. Так, в 1961 г. было опубликовано уникальное фундаментальное издание ленинградских этнографов-сибиреведов “Историко-этнографический атлас Сибири”, в котором перу Г.М.Василевич (совместно с М.Г.Левиным) принадлежал раздел “Оленный транспорт” - большая яркая работа, продолжившая изучение северного оленеводства, начатое этими исследователями в 1951 г. Через несколько лет Г.М.Василевич подготовит новую разработку темы оленеводства, на этот раз на тунгусском материале и представит ее в виде доклада на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, проходившем в 1964 г. в Москве. (89)

В 1962 г. Г.М.Василевич выполняет новую крупную работу, обработав и подготовив к изданию тексты исторического фольклора эвенков (сказания и предания), которые она собирала во время своих экспедиционных исследований в течение 25 лет, начиная с 1935 г. по 1960 г. Теперь она сделала к ним литературный перевод и написала “Введение” и научный комментарий. В 1966 г. этот огромный труд объемом 31,5 п.л. - работа, достойная целого коллектива исследователей - вышел из печати под названием “Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания”. Трудно переоценить значение этого великолепного издания, содержащего в общей сложности 63 текста героических сказаний и преданий. Выдающийся исследователь фольклора Б.Н.Путилов охарактеризовал эту книгу как “фундаментальный научный свод произведений этого жанра, ...отражающих эпический репертуар всех основных групп эвенков. ...Запись, перевод и двуязычная публикация текстов осуществлены на высоком филологическом уровне и в соответствии с современными требованиями фольклорной текстологии. Это позволяет фольклористам, не владеющим тунгусскими языками, пользоваться книгой как надежным источником и привлекать опубликованные в ней тексты для историко-филологических исследований”. (90)

Однако еще более важное значение этот сборник имеет для всех тунгусоведов, как лингвистов, так и этнографов, предоставляя им в равной степени ценнейший первоисточник и проанализированные автором материалы. Все тексты опубликованы на диалектах исполнителей и сопровождаются обстоятельными историческими комментариями, содержащими множество сведений по истории эвенков, их быту, верованиям, космогонии, шаманским представлениям и т.д.

Издание “Исторического фольклора”, получившее большой научный резонанс, сыграло немаловажную роль в том, что примерно с середины 60-х для Г.М.Василевич наступает новый отрезок ее творческого пути. Она уже давно хорошо известна в мире науки, как у себя на родине, так и за рубежом. Ее называют крупнейшим тунгусоведом, созданные ею труды пользуются всеобщим признанием и входят в основной фонд исследований по этой тематике, широтой своих научных интересов, в равной степени включающей этнографию, фольклористику и языковедение, она выделяется среди всех других специалистов, занимающихся изучением тунгусских проблем. К ней обращаются за консультациями из центральных и сибирских научных учреждений, приезжают коллеги из-за границы, под ее

руководством, начиная с 1958 г., ведется большая организационная работа по изучению эвенкийского языка и фольклора в Якутском институте языка, литературы и истории. Каждый год выходят новые интересные публикации, многие из них издаются за рубежом. (91) И в то же время Г.М.Василевич не являлась доктором наук, хотя для многих было совершенно бесспорным, что она уже давно заслуживала присуждения этого звания, причем в области как исторических, так и филологических наук (по отзыву В.И.Цинциус в ноябре 1967 г.). (92)

Ситуация начинает меняться в 1967 г., после того, как в печать была, наконец, сдана монография “Эвенки”, написанная Г.М.Василевич уже более пяти лет тому назад. И хотя выпускалась она с огромными сокращениями - без ранних исторических периодов и без главы по современности, - представляя собой по сути одну центральную часть первоначальной рукописи, посвященную традиционной культуре эвенков в XVIII-начале XX в., это было все же лучше, чем ничего. И почти сразу вслед за сдачей монографии в издательство Сектор Сибири Ленинградской части Института этнографии, где Глафира Макарьевна с 1942 г. работала в должности старшего научного сотрудника, обратился в Дирекцию Института с просьбой ходатайствовать перед Всесоюзной аттестационной комиссией (ВАК) о присвоении Г.М.Василевич ученой степени доктора исторических наук по совокупности работ. Дирекция и Ученый Совет Института поддержали эту инициативу и после прохождения необходимых процедур Президиум ВАК постановлением от 19 июля 1968 г. разрешил Г.М.Василевич представить к защите вместо докторской диссертации совокупность выполненных и опубликованных работ.

Г.М.Василевич готовит в качестве автореферата доклад по опубликованным работам “Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков)”, и 12 декабря 1968 г. на заседании Ученого Совета Института этнографии АН СССР в Москве успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, утвержденную решением ВАК СССР 16 мая 1969 г. (93) Официальными оппонентами на защите выступали такие известные исследователи как С.А.Токарев (отзыв этнографа), К.В.Чистов (отзыв фольклориста) и В.И.Цинциус (отзыв лингвиста). Все они дали работам Г.М.Василевич самую высокую характеристику, и некоторые краткие выдержки из их выступлений хотелось бы здесь привести:

“Объем и высокое качество работ Г.М.Василевич с избытком превышает ту норму научных заслуг, которая дает человеку право на присуждение ученой степени доктора исторических наук” (С.А.Токарев)

“Если бы Г.М.Василевич претендовала на степень доктора исторических наук как фольклорист, если бы даже ее лингвистических и этнографических работ не существовало, она имела бы бесспорное право на это. И в этом случае сегодняшняя защита была бы формальным выражением того признания, которое давно заслужили ее работы по фольклору эвенков” (К.В.Чистов). (94)

Вернувшись после успешно проведенной защиты домой, в Ленинград, Василевич сразу без всякой передышки включается в свой обычный трудовой ритм. Уже 17 декабря 1968 г. на заседании Сектора Сибири вновь обсуждается ее работа “Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов”. Рукопись представлена теперь в значительно переработанном и сильно сокращенном виде, что было сделано в основном за счет этнографической части, так как этнографическая монография “Эвенки” уже находилась в печати. Теперь “Материалы” составляли вместе с иллюстрациями 29 авторских листов. Решением Сектора, принятым совместно с тремя независимыми рецензентами из других научных подразделений, которыми выступили такие авторитетные исследователи как А.П.Окладников, Б.Н.Путилов и В.И.Цинциус, работа Василевич была рекомендована для утверждения к печати и введения ее в издательский план Института. (95) В очередной раз

появилась надежда, что рукопись удастся опубликовать, но, к сожалению, ей не суждено будет сбыться, и лишь отдельные разделы, прежде всего, из фольклорной части увидели свет в последние годы жизни Г.М.Василевич, а также были изданы посмертно. (96)

Последним изданием в ряду крупных монографических работ Г.М.Василевич стала книга “Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-нач. XX в.)”. Это была первая и до сих пор единственная обобщающая работа по этнографии эвенков, дающая глубокое и целостное представление об их истории, культуре, хозяйстве, социальном устройстве и мировоззрении. Книга, ставшая своего рода энциклопедией жизни эвенков, вышла в 1969 г., за два года до смерти Глафиры Макарьевны, составив, таким образом, определенный итог в области ее этнографических исследований.

В том же году состоялась и последняя экспедиция Г.М.Василевич. Несмотря на солидный возраст - 74 года, она еще раз побывала на юге Якутии и в Амурской области, посетив эвенкийские поселки Первомайский, Тында и Золотинка, где до этого она работала в 1947 г.

В поселке Иенгра, как теперь называется бывшая Золотинка, Г.М.Василевич хорошо помнят и по сей день. Летом 2000 г. находясь там в экспедиции, мы смогли в этом убедиться сами. Правда, уже не осталось стариков, с которыми Глафира Макарьевна работала, собирая полевые материалы, но местные жители с большим уважением отзываются о ней, зная, что она написала об эвенках много книг, а также учебников по языку и прекрасно сама говорила по-эвенкийски. В 1995 г., когда отмечали 100-летний юбилей Г.М.Василевич, средней школе-интернату в Иенгре было присвоено ее имя. Там висит теперь большая фотография Глафиры Макарьевны, есть уголок ее памяти, и школьники знают, почему она так знаменита в народе.

Имя Г.М.Василевич среди эвенков известно повсюду, и, бывая в разных местах, всегда убеждаешься в этом. Представители интеллигенции - учителя, работники культуры - часто просят прислать ее книги, что трудно сделать, так как они давно уже стали библиографической редкостью. Старики нередко сами делятся воспоминаниями о ней - своими собственными или услышанными от кого-то. Ее называли “эвенки из Ленинграда” за то, что она говорила по-эвенкийски как на родном языке. “Красивая, смелая такая, шутница. Лучше эвенка по-нашему лопочет”. Некоторые истории о ней приобрели легендарный характер, как, например, та, что рассказывает о ее встрече с медведем, которого она застрелила ... “Вот это девушка была! *Энгэси* у нее имя теперь”. (98) *Энгэси* по-эвенкийски значит “сильная” - так удивительно точно всего в одном слове выразили эвенки суть ее характера, благодаря которому она справлялась с любыми сложностями, каких бы сторон жизни они ни касались.

Рано начав трудиться, Г.М.Василевич всегда отличалась огромной работоспособностью и безграничной преданностью избранному делу. Могла работать в любых условиях, будь то экспедиционная неустроенность, тяготы войны в блокаду и эвакуацию, не слишком благоустроенное собственное жилье, которое она смогла улучшить лишь в самые последние годы жизни, вступив в жилищный кооператив. Надо полагать, что и тяжелейший лагерный период, на три года отнявший у нее свободу и любимую работу, не смог лишить ее возможности размышлять, думать о науке, строить планы будущих исследований.

Сила ее характера проявлялась и в особой научной честности, когда ни в одной из своих работ даже в самые политизированные времена она не допустила ни оголтелой критики шаманства, ни пафосного восхваления вождей, а всегда писала только то, что имело непосредственное отношение к исследованию. И даже после страшных испытаний в лагере она не потеряла этой подлинной свободы научного мышления, на которую способен, к сожалению, далеко не каждый ученый, особенно в гуманитарной, то есть наиболее идеологизированной области науки. Об этом говорят ее полевые отчеты, написанные по результатам последних экспедиционных поездок 1959, 60 и 69 гг., а также докладные записки, которые подавались тогда после экспедиций в органы власти. В них по-прежнему нет ни украшательства, ни

стремления камуфлировать ситуацию, а написано то, что действительно беспокоит исследователя, который видит, что в обустройстве жизни на севере далеко не все делается правильно. Так до самых последних лет она сохраняла удивительную силу духа и способность отстаивать свое научное мнение, невзирая ни на какие внешние обстоятельства.

Такой Г.М.Василевич и ушла из жизни 22 апреля 1971 г. Она умерла после тяжелой неизлечимой болезни, которая внезапно обрушилась на нее и за четыре месяца привела к неизбежному трагическому исходу. Ей было 76 лет, за которые она успела сделать так много, что кажется, будто работал не один человек, а целый научный коллектив. Ее труды, охватывающие практически все стороны жизни эвенков, включая их язык, культуру и историю, составляют огромный вклад не только в широкую область историко-этнографического и историко-лингвистического изучения народов Сибири, но и в отечественную этнографию в целом. Впечатляет уже одно только простое перечисление наиболее глобальных, разработанных Г.М.Василевич исследовательских направлений. Это проблемы этногенеза и классификации тунгусо-маньчжурских языков, эволюция хозяйства (включая происхождение оленеводства) и традиционного мировоззрения - от самых ранних космогонических представлений до развитого шаманства, историческая специфика фольклорных сюжетов и столь актуальный для исследований эвенков аспект как соотношение общего и регионального в их культуре, формирование отдельных элементов - в одежде (кафтан, нагрудник, типы обуви), транспорте (лыжи, лодки, нарты), хозяйственно-бытовом укладе (жилище, колыбель) и сложение традиционной культуры эвенков в целом, общественный строй и развитие этноса в XX столетии. Широкий круг проблем, в центре которого для Г.М.Василевич всегда стояли вопросы этногенеза и этнической истории тунгусоязычных народов, составившие самостоятельную и чрезвычайно важную область ее научных исследований.

С самого начала проблема этногенеза была поставлена Г.М.Василевич очень широко, в тесной связи с чрезвычайно сложной группой вопросов по истории заселения Северной Азии и происхождения монголоязычных, тюркоязычных и других, вплоть до индоевропейских, народов. Ее концепция сразу строилась на очень смелых выводах о последовательных стадиях языкового развития на территории Сибири и, шире - Евразии, и постепенно за годы упорного исследовательского труда совершенствовалась и уточнялась на основе всех достижимых источников, главным из которых, наряду с лингвистикой, стал этнографический, этнонимический и фольклорный материал с привлечением также археологии и антропологии. Все работы Г.М.Василевич по проблемам эвенкийского этногенеза отличались комплексным лингвистико-этнографо-фольклористическим подходом, и в этом отношении еще никто не сделал больше, чем она, хотя в последние десятилетия появились новые имена и новые труды в области тунгусоведения.

Конечно, Г.М.Василевич удалось решить не все проблемы. Они настолько сложны, что научные споры по многим из них продолжаются и поныне, спустя уже 30 лет после ухода Глафиры Макарьевны. Однако ее концепция этногенеза до сих пор является основной, и лишь время от времени в нее вносятся некоторые уточнения. Не потеряли своего значения и разработанные Глафирой Макарьевной вопросы формирования эвенкийской этнической культуры. Региональные же исследования, проведенные Г.М.Василевич практически по всем группам эвенкийского этноса, стали надежной основой для дальнейшего развития тунгусоведения. Особую актуальность приобрели в последнее время изыскания Г.М.Василевич в области шаманства, верований, пространственных представлений, а также социальной организации эвенков. Ее статьи по этой тематике, в том числе и самые последние, изданные уже посмертно, (99) имеют огромное значение в понимании сложнейших процессов развития традиционного мировоззрения и общественного устройства.

Невозможно переоценить вклад Василевич в тунгусоведение и сибиреведческую науку в целом. Своими трудами она не только кардинально продвинула эти исследования, но и создала прочный фундамент для их плодотворного продолжения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О несомненном признании на родине говорит тот факт, что последние 30 лет своей жизни Г.М.Василевич работала в ведущем этнографическом центре страны - Институте антропологии и этнографии Академии наук СССР, где она занимала должность старшего научного сотрудника Отдела Сибири. Была доктором исторических наук, автором более 200 публикаций, участвовала в международных научных симпозиумах, имела государственные награды. О широкой известности исследований Г.М.Василевич за рубежом свидетельствуют опубликованные там положительные отзывы на ее работы, например: Jettmar K. Zum problem der tungusischen Urheimat. - Kultur und Sprache. 1959, IX, с.488-489, 498-500, Jettmar K. Zu den Anfängen der Rentierzucht. - Anthropos. 1952, v.47, с.739-755, Menges K. Linguistische und ethnologische Bemerkungen zum Tungusischen. - Anthropos. 1965, v.60, с.591-608.
2. Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф. Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20-50-е годы. - Народы Азии и Африки. 1990, № 4, с.118.
3. Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы. - Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5-6. СПб., 1994, с.357-359.
4. Г.М.Василевич - крупнейший советский тунгусовед (К 70-летию со дня рождения). Якутск, 1965. 48 с.
5. Цинциус В.И. Памяти Г.М.Василевич. - Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с.241-251.
6. Таксами Ч.М. Глафира Макарьевна Василевич (некролог). - СЭ. 1971, № 5, с.184-186.
7. Степанов Н.Н. Глафира Макарьевна Василевич (К 70-летию со дня рождения). - Известия Всесоюзного географического общества. 1965, т.97, вып. 4, с.380-381.
8. Гурвич И.С., Долгих Б.О., Туголуков В.А., Смоляк А.В., Соколова З.П. - СЭ. 1971, № 1, с.166-168.
9. Ермолова Н.В. Глафира Макарьевна Василевич и современные проблемы тунгусоведения. - 285 лет Петербургской Кунсткамеры. СПб., 2000, с.205-212.
10. Новикова Ю. Сквозь таежные дебри. - Пионер. 1957. № 3, с.27-32.
11. Документ хранится в Отделе Сибири МАЭ РАН.
12. Решетов А.М. Репрессированная этнография, с.357; Цинциус В.И. Г.М.Василевич. - Г.М.Василевич - крупнейший советский тунгусовед (К 70-летию со дня рождения). Якутск, 1965, с.7.
13. Штернберг С.А. Л.Я.Штернберг и ленинградская этнографическая школа. - СЭ. 1935. № 2, с.140-141; Бюллетень Географического института. 1922. № 5-6, с.20.
14. Станюкович Т.В. Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ). - Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. ТИЭ. Нов. сер. М., 1971. Т.95, вып. V, с.127; документы, хранящиеся в Отделе Сибири.
15. Штернберг С.А. Л.Я.Штернберг и ленинградская этнографическая школа, с.141.
16. Документы, хранящиеся в Отделе Сибири.
17. ПФ АРАН, фонд 142, опись 5, д.521, л.17; документы, хранящиеся в Отделе Сибири.
18. ПФ АРАН, л.17.
19. Документы хранятся в Отделе Сибири.
20. Василевич Г.М. На Нижней Тунгуске. - Северная Азия. 1926. Кн.5-6, с.150.
21. Василевич Г.М. На Нижней Тунгуске, с.150-157; она же. Токминские тунгусы. - Советский Север. 1930. № 5, с.27-38.
22. ПФ АРАН, л.17; Цинциус В.И. Памяти Г.М.Василевич, с.242.
23. Цинциус В.И. Памяти Г.М.Василевич, с.242.
24. МАЭ. Колл. № 3515.
25. Василевич Г.М. Игры тунгусов. - Этнограф-исследователь. 1927. № 1, с.150-157.
26. Цинциус В.И., Горцевская В.А. Изучение тунгусо-маньчжурских языков Советского Союза за 40 лет. - Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А.И.Герцена. Т. 167. Кафедра языков народов Крайнего Севера. 1960, с.21, 23.
27. Василевич Г.М. Памятка тунгусам -отпускникам. Стеклограф. Л., 1928. 30 с.
28. Г.М.Василевич - крупнейший советский тунгусовед, с.14.
29. Василевич Г.М. Первая книга для чтения на тунгусском языке. Стеклограф. Л., 1929. 28 с.
30. Г.М.Василевич - крупнейший советский тунгусовед, с.15.

31. Василевич Г.М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. - Этнография. 1930, № 3, с.57-67.
32. Выставка первобытных орудий и оружия. Л., 1927. 13 с.
33. ПФ АРАН, ф.142, оп.5, д.521, л.1.
34. МАЭ. Колл. № 4103.
35. Василевич Г.М. Сымские тунгусы. - Советский Север. 1931, № 2, с.132-152; она же. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея. - Советский Север. 1931, № 10, с.133-145.
36. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.
37. Василевич Г.М. Кoryтообразная нарта сымских эвенков. - Сборник МАЭ. Т.10. 1949, с.93-97; она же. Тунгусский нагрудник у народов Сибири. - Сборник МАЭ. Т.11. 1949, с.42-61; она же. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. - Сборник МАЭ. Т.17. 1957, с.151-186.
38. ПФ АРАН, л.39-40.
39. Василевич Г.М. Начальная тунгусская книга. М., 1931. 156 с.
40. Документы, хранящиеся в Отделе Сибири; ПФ АРАН, л.17.
41. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) диалектологический словарь. С приложением введения и карты распространения диалектов. Л., 1934, с.III-IV.
42. Василевич Г.М. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. Для курсов по переподготовке учителей эвенкийских школ. Л., 1934. 160 с.
43. ПФ АРАН, л.6.
44. Чистов К.В. Фольклористические работы Г.М.Василевич. - Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с.115.
45. Василевич Г.М. Материалы по фольклору эвенков Сибири. - Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Составила Г.М.Василевич. Л., 1936.
46. Цинциус В.И. Памяти Глафиры Макарьевны Василевич, с.245-246.
47. Документы, хранящиеся в отделе Сибири; ПФ АРАН, л.17.
48. ПФ АРАН, л.17, 44-45.
49. Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940; Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. Составила Г.М.Василевич. М., 1940.
50. ПФ АРАН, л.17.
51. Там же.
52. ПФ АРАН, л.1.
53. Там же, л.7.
54. Там же, л.8.
56. Документы Г.М.Василевич, хранящиеся в Отделе Сибири.
57. Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. - СЭ. 1946, № 4, с.34-49; она же. Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов. - КСИЭ. М., 1946, вып.1, с.46-50; она же. Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы. - ТИЭ. Нов. сер. М.-Л., 1947. Т.2, с.206-232.
58. ПФ АРАН, л.24, 27.
59. Там же, л.27.
60. Василевич Г.М. Фольклорные материалы и племенной состав эвенков (тунгусов). - Труды Второго Всесоюзного географического съезда. М., 1949. Т.3, с.355-364; она же. Ранние представления о мире у эвенков (материалы). - Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. ТИЭ. Нов. сер. 1959. Т.51, с.157-192.
61. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, 352 с.; Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь. Составила Г.М.Василевич. М., 1948, 332 с.
62. Цинциус В.И., с.248-249.
63. Василевич Г.М. По колхозам джугдырских эвенков. - Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Т.82, вып.2, с.163.
64. МАЭ. Колл. №№ 6041, 6131, 6625.
65. Василевич Г.М. Эвенкийская экспедиция (предварительный отчет). - КСИЭ. М., 1949, вып.5, с.54-63.
66. Василевич Г.М. Кoryтообразная нарта сымских эвенков. - Сборник МАЭ. 1949. Т.10, с.93-97.
67. Василевич Г.М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири. - Сборник МАЭ. 1949. Т.11, с.42-61.
68. Василевич Г.М. Фольклорные материалы и племенной состав эвенков (тунгусов). - Труды Второго Всесоюзного географического съезда. М., 1949. Т.3, с.355-364; она же. Языковые данные по термину *хэл* - *кэл* (Дополнения к статье С.В.Иванова "Мамонт в искусстве народов Сибири"). - Сборник МАЭ. 1949. Т.11, с.154-156.
69. Василевич Г.М. К вопросу о киданях и тунгусах. - СЭ. 1949, № 1, с.155-160; она же. К вопросу о палеоазиатах Сибири. - КСИЭ. 1949, вып.8, с.48-52.

70. Архив МАЭ. Личное дело № 32, л.26.
71. Василевич Г.М. Ессейско-чирингдинские эвенки (по коллекции В.Н.Васильева, МАЭ, № 1004). - Сборник МАЭ. 1951. Т.13, с.154-186.
72. Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение. - СЭ. 1951. № 1, с.63-87.
73. Цинциус В.И. Памяти Г.М.Василевич, с.250.
74. Из справки архива ФБ РСФСР по Санкт-Петербургу и области от 17 декабря 1991 г., полученной А.М.Решетовым и впервые опубликованной им в статье "Репрессированная этнография", с.358.
75. Решетов А.М. Репрессированная этнография, с.358; Архив МАЭ, л.168.
76. ПФ АРАН, л.41, 45.
77. Решетов А.М. Репрессированная этнография, с.358.
78. Архив МАЭ. Личное дело № 32, л.168.
79. ПФ АРАН, л.45.
80. Решетов А.М. Репрессированная этнография, с.358, 359.
81. Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. - Сборник МАЭ. 1957. Т.17, с.151-186.
82. Документы, хранящиеся в отделе Сибири.
83. Помимо работ, указанных в ссылке 57, см. также: Василевич Г.М. К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков. - Вопросы языкознания. 1960, № 2, с.43-49; она же. Этноним саман-самай у народов Сибири. - СЭ. 1965, № 3, с.139-145.
84. Menges K. Linguistische und ethnologische Bemerkungen zum Tungusischen. - Anthropos. 1965. V.60, s.591-608, а также письменные отзывы, хранящиеся в Отделе Сибири.
85. Василевич Г.М. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (По материалам изучения колыбелей). - КСИЭ. 1957, вып.28, с.57-61; она же. Тунгусский кафтан (К истории его развития и распространения). - Сборник МАЭ. 1958. Т.18, с.122-178.
86. Василевич Г.М. Тунгусская колыбель (В связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров). - Сборник МАЭ. 1960. Т.19, с.5-28; она же. Типы обуви народов сибиря. - Сборник МАЭ. 1963. Т.21, с.3-64.
87. Василевич Г.М. Эвенки Катангского района. - Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. Нов.сер. 1962. Т.78, с.98-121.
88. Василевич Г.М. Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем. - Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с.183-238.
89. Василевич Г.М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов в связи с проблемой расселения их по Сибири. - Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964, 11с.
90. Путилов Б.Н. Новые труды по эпосу народов Сибири и Крайнего Севера (1965-1969). - СЭ. 1971, № 2, с.155.
91. Из неназванных еще следует отметить: Василевич Г.М. Этнографические наблюдения и лингвистические записи А.Л.Чекановского. - сборник неопубликованных материалов А.Л.Чекановского. Иркутск, 1962, с.47-54; она же. Древние географические представления эвенков и рисунки карт. - Известия Всесоюзного географического общества. 1963. Т.95, вып.4, с.306-319; она же. Самоназвание ороchon, его происхождение и распространение. - Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. № 9, вып.3. Новосибирск, 1963, с.71-73; она же. Уранкаи и эвенки. - Доклады по этнографии. Вып.3. Географическое общество СССР. Отделение этнографии.Л., 1966, с.59-93; она же. Тунгусы. - История Сибири. Т.1.Л., 1968, с.395-402; Wassiljewitsch G.M. Erwerbung der Schamanenfähigkeiten bei den Ewenken (Tungusen). - Glaubenswelt und Volklore der sibirischen Volker. Budapest, 1963, s.369-380; The Horse in Ewenki Folklore. - Central Asiatic Journal, 1965. N 12, s.320-332.
92. Документ хранится в Отделе Сибири.
93. Архив МАЭ. Личное дело № 32, л.118, 119.
94. Документы, хранящиеся в Отделе Сибири.
95. Там же.
96. Василевич Г.М. Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок как исторический источник. - Одежда народов Сибири. Л., 1970, с.137-165; она же. Этнонимы в фольклоре. - Фольклор и этнография. Л., 1970, с.23-35; она же. Топонимы тунгусского происхождения. - Этнография имен. М., 1971, с.160-171; она же. Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных по Сибири (опыт картографирования). - Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с.296-302.
97. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-начало XX в.). Л., 1969. 304 с.
98. Суворов И. Большой друг и учитель эвенков. - Г.М.Василевич - крупнейший советский тунгусовед, с.30-31.
99. Василевич Г.М. Дошаманские и шаманские верования эвенков. - СЭ. 1971, № 5, с.53-60; она же. О культе медведя у эвенков. - Сборник МАЭ. Л., 1971. Т.27, с.150-169; она же. Некоторые термины ориентации в

пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках. - Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с.223-229; она же. Запреты, обереги и сказки, записанные на юге Якутии в 1947 г. - Фольклор эвенков Якутии. Л., 1971, с.307-328; она же. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков. - Охотники, собиратели, рыболовы (Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе). Л., 1972, с.160-171.